

Спустя месяц, миновав Поместье Фучжоу, путники добрались до границ уезда Ань. Там, у самых городских стен, им повстречалась семья беженцев: муж с женой и двое детей — восьмилетняя дочь и шестилетний сын. Завязав разговор, Чан Я принялся расспрашивать их о том, что слышно в городе.

Главу семейства звали Хуан Минь, его супругу — Хуан Даймэй. Дочь они величали Сяонань, а младшего сына — Цзыфэй. Сами они были родом из волости Дилинь уезда Ань, но из-за бесконечных стихийных бедствий и зачистивших разбойников были вынуждены бросить родной дом и податься в Молюй. Семья Хуан покидала родные края одной из последних — все остальные соседи уже давно разбрелись кто куда, так что попутчиков у них не осталось.

От Хуан Миня лекарь узнал, что в уезде Ань нынче беспокойно. Повсюду рыщут стражники: проводят облавы, досматривают каждого встречного. Поговаривали, будто ищут кого-то чужака, а потому ко всем приезжим относятся с крайним подозрением. Многих уже успели бросить за решётку.

— И вас тоже допрашивали? — поинтересовался Цэнь Сяолу.

— А как же! — воскликнул Хуан Минь. — Мы хоть и простые беженцы, люди подневольные, а и нас проверяли трижды, прежде чем выпустить.

Мужчина окинул путников оценивающим взглядом и, понизив голос, хотя кругом не было ни души, добавил:

— Раз уж мы разговорились, дам я вам совет по доброте душевной: вид у вас двоих больно уж приметный. Одежда, выправка... не ровен час, беду накличете. Вы ведь не знаете, а тех, кого стража вяжет, — они точь-в-точь как вы.

— Батюшка, я знаю! — подал голос маленький Цзыфэй. — Я видел, как одного человека тащили. Он совсем как этот братец был!

Мальчик указал пальцем на Цэнь Сяолу, но Хуан Даймэй тут же легонько шлёпнула его по руке:

— Не встревай, когда отец со взрослыми говорит!

Мальчишка обиженно надулся, но замолчал.

— И куда же вы путь держите, молодые господа? — спросил Хуан Минь.

— В Гэцинли, — ответил Чан Я. — Нам нужно проехать через уезд Ань на север.

— Так это же через Моллюй путь лежит! — Хуан Минь, чьё лицо потемнело от загара и дорожной пыли, заискивающе улыбнулся. — Нам ведь по дороге! Может, поедем вместе?

Заметив их колебание, он поспешил добавить, понимая, что такая кампания выгодна прежде всего его семье — хотя бы из-за возможности ехать в повозке:

— Мы думали обогнуть город через горы Дуаньхэн. Путь там посложнее, зато лишних глаз меньше. Вам ведь тоже не хочется застрять в застенках Уезда Ань? А вместе и сподручнее, и безопаснее.

— Что скажешь? — Чан Я в нерешительности взглянул на Цэнь Сяолу. Слова Хуан Миня звучали разумно, да и отказывать беженцам, приглашавшим их с таким радушием, было неловко.

— Как знаешь, — безучастно отозвался Сяолу. — Город ли, горы ли — мне всё едино. Управлять повозкой вдвоём не такой уж великий труд.

— Ох, послушайте моего совета, в город соваться нельзя! — Хуан Минь, едва дождавшись конца фразы, вновь принялся уговаривать путников, но внезапно осёкся, поняв, что молодой господин Цэнь вовсе не горит желанием брать их с собой.

Обычный человек на его месте, почувствовав холод в голосе, не стал бы навязываться, но Хуан Минь был настойчив. Угадав в Чан Я натуру мягкую и отзывчивую, он обратился прямо к нему:

— Ну так что, через горы?

Видя надежду в глазах мужчины, Чан Я снова повернулся к спутнику:

— Может, и вправду поедем вместе с дядей Хуаном?

— Ладно. Раз ты решил, так и быть.

— Вот и славно! — Хуан Минь схватил Чан Я за руку. — Не сомневайтесь, я те места знаю, не заблудимся.

Чан Я лишь добродушно улыбнулся.

— Ты здесь останешься или со мной пойдёшь? — спросил Сяолу. История с братом Лю только-только заставила его сменить гнев на милость по отношению к лекару, но сейчас всё вернулось на круги своя — прозорливость Чан Я явно оставляла желать лучшего.

— Мы ведь не едем в город. Зачем туда идти? — не понял Чан Я.

— Припасы, — бесстрастно обронил Цэнь Сяолу.

Он обвёл взглядом всё семейство. Смысл его взора был предельно ясен: в их отряде прибавилось четыре голодных рта, у которых за душой наверняка не было ни зёрнышка.

Чан Я мгновенно сообразил, в чём дело:

— Я с тобой.

Семья Хуан жила впроголодь, дети выглядели измождёнными, и лекарь просто не мог пройти мимо их беды. Припасов действительно нужно было закупить вдвое больше.

— Вы только в таком виде туда не суйтесь, — предостерёг Хуан Минь. — Если не брезгуете, у меня есть пара простых рубах из грубого полотна, мухи не сидели. Переоденьтесь, так меньше внимания привлечёте.

Он рассудил хитро: раз молодые люди идут за провизией, мешать им не стоит.

— Верно говорите. Спасибо за совет, дядя Хуан.

Оставив повозку под присмотром беженцев, Чан Я и Цэнь Сяолу переоделись и, пройдя через несколько досмотров, вошли в город. Хуан Минь не солгал: стража свирепствовала, то и дело мимо проносились патрули. Хотя Сяолу и не одобрял присутствие попутчиков, он признал — обходной путь через горы Дуаньхэн сейчас был единственным разумным решением.

Закупив провизию, они поспешили покинуть город и воссоединились с семьёй Хуан. Сяолу взялся за вожжи, Хуан Даймэй с детьми устроилась внутри повозки. Чан Я, не желая теснить женщину и детей, усадил рядом с ними и Хуан Миня, а сам пристроился снаружи, подле Сяолу.

К вечеру, следуя указаниям своего нового проводника, они остановились на ночлег в заброшенном храме.

— Уж не обессудьте, — оправдывался Хуан Минь. — Места здесь глухие, постоянных дворов нет, а в развалинах хоть от ветра укроемся.

Хуан Даймэй сгребла в кучу старую солому, устроив подобие постели для детей.

— Матушка, я есть хочу, — Сяонань робко потянула мать за рукав.

— И я тоже, матушка, — захныкал Цзыфэй.

— Спите ложитесь. Во сне голод не так кусает, — принялась успокаивать их женщина.

Сяолу в это время доставал из повозки одеяло, присматривая чистое место, чтобы расстелить его для себя и Чан Я. Услышав слова матери, лекарь тут же отозвался:

— Тётушка Хуан, у нас есть еда, не нужно детей голодом морить.

Маленький Цзыфэй мгновенно просиял. Он с надеждой посмотрел на мать:

— Матушка, я не хочу спать, я кушать хочу!

— Ишь, развоевался! — Даймэй легонько шлёпнула сына, и тот, втянув голову в плечи, спрятался за сестру.

— Держи, — Сяолу, закончив с одеялом, развязал узел с провизией и протянул Чан Я лепёшку.
— Ешь.

Чан Я взял её, но тут же достал ещё три и подошёл к семейству Хуан.

— Тётушка, не ругайте его, они просто проголодались. Поешьте и вы с дядей Хуаном.

Дети вцепились в еду и принялись жадно, давясь, глотать куски. Стало ясно, что голодали они долго.

— Спасибо тебе, мил человек, — Хуан Минь и его жена тоже принялись за еду.

Когда Чан Я вернулся, Сяолу протянул ему ещё одну лепёшку:

— О себе тоже не забывай.

— Благодарю, — лекарь откусил кусочек. Заметив, что Сяолу почти не притронулся к своей порции, он тихонько толкнул его локтем и протянул оставшуюся нетронутой половину своей лепёшки: — Возьми мою. Тебе силы нужны, ты весь день правил.

Сяолу посмотрел на кусок хлеба с нескрываемым пренебрежением, отвернулся и поднялся на ноги:

— Оставь себе. Я пойду осмотрюсь.

— Эй...

Но Сяолу уже скрылся в сумерках. Чан Я лишь вздохнул и принялся за еду.

Хуан Минь, закончив трапезу, подсел к лекарю:

— Чан Я, кажись, брат твой не в духе?

В дороге они уже успели познакомиться поближе. Он представил Сяолу своим братом — после того как Сяолу наотрез отказался зваться «учителем», а Чан Я не смог выторговать себе право считаться старшим, ему пришлось смириться с ролью младшего.

— Вовсе нет, — поспешно затряс он головой. — Не берите в голову, дядя Хуан. Брат просто... такой уж у него характер. Но припасы-то все он купил.

— Ну, тогда ладно, — Хуан Минь почесал затылок. — А то я уж грешным делом подумал, что мы ему в тягость.

— Да что вы, и в мыслях не было, — принялся оправдываться лекарь.

Глядя на кучу соломы, где устроились беженцы, Чан Я предложил:

— Дядя Хуан, может, пусть тётушка с детьми на нашем одеяле лягут? А я ночью покараулю.

— С чего это ты собрался караулить? — Сяолу вернулся так же внезапно, как и ушёл. Он смерил Чан Я строгим взглядом. — Спи давай. Знаю я твои караулы — через полчаса носом клевать начнешь.

Хуан Минь, чувствуя неловкость, поспешил вмешаться:

— Да не нужно нам, им и на соломе хорошо.

Он почему-то побаивался Сяолу. Было в этом молодом человеке нечто такое, что заставляло держаться настороже — не чета простодушному Чан Я.

Лекарь вопросительно посмотрел на своего спутника:

— А дети?

Помолчав, Сяолу нехотя сдался. Он привалился спиной к одной из храмовых колонн, скрестив

руки на груди:

— Пусть ложатся сюда. Я посторожу.

Чан Я просиял:

— Учи... — он вовремя спохватился и исправился: — Брат, какой же ты всё-таки добрый!

Хуан Даймэй с благодарностью перевела детей на одеяло. Чан Я уложил Цзыфэя посередине. Вскоре раздался мерный храп Хуан Миня, а следом уснули и дети — Сяонань подложила брату руку под голову вместо подушки.

Ветхие двери храма закрывались неплотно, пропуская внутрь полосы холодного лунного света. Чан Я, стараясь не шуметь, поднялся и подсел к Сяолу.

Тот приоткрыл глаза.

— Не спится? — прошептал Чан Я.

— Я и не собирался.

Чан Я поднял большой палец:

— Ну и выдержка. Я бы на твоём месте уже десятый сон видел.

— Ложись спать.

Лекарь упрямо качнул головой:

— Негоже тебе одному куковать. Я с тобой посижу.

Прошло немного времени, и когда голова Чан Я бессильно опустилась на плечо спутника, Сяолу в очередной раз убедился, насколько недолговечны обещания этого лекаря. Он осторожно придержал голову спящего, поправляя её так, чтобы тому было удобнее.